

Св. Георгиевский Вестник

Май 2012

17-го мая в этом году отмечали 5-ю годовщину объединения двух частей Русской Церкви. К этому юбилею подготовил фильм митрополит Иларион Волоколамский. Можно смотреть его на сайте: <http://hilarion.ru/2012/05/16/4668>

Произошло Таинство восстановления единства

Протоиерей Петр Перекрестов

ПРАВМИР публикует интервью с протоиереем Петром Перекрестовым, ключарем кафедрального собора Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радости» в Сан-Франциско, официальным членом делегации РПЦЗ в 2004, старшим секретарем IV Всезарубежного Собора и председателем Оргкомитета Собора.

- Отец Петр, вы с самого начала принимали самое деятельное участие в деле восстановления единства Церкви. Расскажите, вы помните тот день, когда впервые узнали о том, что объединению быть?

- Восстановление церковного единства было делом достаточно долгим, осмысленным, выстраданным и вымоленным. Для меня в этом процессе было несколько важных вех. К концу 90-х годов я понял, что деятельность российских приходов Зарубежной Церкви зашла в тупик и что в России только одна Русская Церковь – Московский Патриархат. Русский народ знает только эту Церковь и, если мы – чада Русской Зарубежной Церкви – желаем участвовать в возрождении Церкви и России, нам необходимо стать более открытыми и

объективными ко всему, что там происходит, в том числе и к церковной жизни.

Вторая веха – Архиерейский Собор Русской Православной церкви 2000 года, который прославил святых Царственных страстотерпцев и принял очень важный документ: «Основы социальной концепции РПЦ». Этот документ четко определил отношение Церкви к власти и к ереси экуменизма.

Третья веха: в 2004 году я вошел в делегацию сопровождающую Высокопреосвященнейшего Митрополита Лавра во время его первого официального визита в Россию. Первая служба, на которой мы молились, была литургия на месте расстрела новомучеников в Бутово. Когда перед литургией была встреча Святейшего Патриарха Алексия II, я впервые в жизни почувствовал силу и значимость патриаршества и с печалью понял, чего мы в Зарубежной Церкви были лишены столько лет. Посещая святыни, участвуя во встречах со Святейшим Патриархом и наблюдая над тем, как Митрополит Лавр своей скромностью и смирением покоряет сердца всех, с кем входит в контакт, видя веру и благочестие русских людей я ясно понял, что объединение двух частей Русской Церкви – это воля Божия, что это неизбежно произойдет, и никто из людей не сможет этому помешать.

Четвертая веха – это, несомненно, IV Всезарубежный Собор Русской Зарубежной Церкви, который проходил в мае 2006 года в г. Сан-Франциско. К тому времени уже был готов проект Акта о каноническом общении и оставалось лишь Архиерейским Собором

(или по указанию Собора – Архиерейским Синодам) РПЦ-МП и РПЦЗ утвердить этот проект. Митрополит Лавр в мае 2005 г. созвал IV Собор с целью обсуждения вопроса установления нормальных отношений между Церквями в России и за рубежом. В предшествующие Собору дни было немало разногласий, переживаний, волнений, была даже попытка сорвать созыв Собора или, по крайней мере, его отложить.

Первые дни Собора были также весьма напряженными, а к среде 10 мая, третьему дню заседаний, сложилось впечатление, что невозможно будет достичь не только единения, но даже взаимопонимания. Раскол, казалось, был неизбежен. И здесь произошло чудо: 11 мая 2006 года участники IV Всезарубежного Собора в Сан-Франциско единодушно заявили, что проявляют всецелое доверие и любовь к своему Первоиерарху Высокопреосвященнейшему Митрополиту Лавру и Архиерейскому Собору и засвидетельствовали, что преклонятся перед волей Божией и подчинятся решениям предстоящего Архиерейского Собора. В Резолюции Собора его участники выразили свою решимость ушивать раны разделения внутри Русской Церкви. Если говорить о конкретном дне, когда для меня стало ясным, что объединение состоится, это был этот день.

- Были ли какие-то опасения в связи с восстановлением единства? А особые надежды? Оправдались ли они?

- Конечно, главное опасение в связи с восстановлением единства – потеря той части зарубежного духовенства и паствы, которая была против объединения. Именно это приносило больше всего боли и переживаний Митрополиту Лавру. Ему пришлось перенести невероятную клевету. Помню, как на Всезарубежном Соборе один молодой священник встал и заявил, что он не столько не доверяет иерархии Московской Патриархии, сколько не доверяет иерархии собственной

Зарубежной Церкви! И кроткому Митрополиту Лавру пришлось такое выслушивать, но он всем давал высказаться и сделал все возможное, чтобы уберечь этих людей от раскола.

В плане особых надежд, во всяком случае, внешнего характера, в связи с восстановлением единства у меня не было. Меня больше всего беспокоили канонические и духовные аспекты этого вопроса: без восстановления единства Русская Зарубежная Церковь осталась бы без канонического основания и не выполнила бы миссию, заповеданную ей своими основателями. В духовном плане направление нашей церковной жизни в конце 90-х годов грозило потерей того духа умеренности и соборности, которые были так свойственны Русской Зарубежной Церкви.

Я себе трезво и ясно давал отчет, что объединение — это не панацея от всех проблем, ни для нас, ни для Церкви в России. Церковное единство, особенно перед лицом натиска враждебных Христу и Его Церкви сил, – это церковная норма, а не роскошь.

- Расскажите, каким вы помните 17 мая? Какой момент — может быть, из неофициальных — помнится живее всего?

- Эти благодатные дни и по сей день живы в моей памяти и вызывают радость и слезы. Я хорошо помню, как Митрополит Лавр, духовенство, Синодальный хор Знаменского собора в Нью-Йорке и несколько сот верующих сели на рейс Нью-Йорк–Москва. Самолет начал подниматься и все громогласно запели «Христос воскрес» – была такая радость, такой неописуемый духовный подъем. Митрополит Лавр начал ходить по рядам самолета и все бросились брать у него благословение и разговаривать с ним – он был очень доступным, простым, действительно отцом. Владыка всем что-то говорил, шутил, ласково гладил по голове.

В канун подписания Акта Митрополит Лавр и все зарубежные клирики и прихожане были на всенощном бдении в московском Сретенском монастыре. Было такое же ощущение, какое бывает в Великую субботу: благоговейное ожидание – разделенное церковное Тело вот-вот воскреснет в единстве. Было очень много исповедников, и я с радостью наблюдал, как на дворе, вдоль храма, духовенство Зарубежной Церкви принимало исповедь – как прихожан Зарубежной Церкви, так и многочисленных россиян. После службы все богомольцы, – и прихожане Сретенского монастыря, и гости-паломники из Зарубежной Руси, приняли участие в общей трапезе под открытым небом. Люди знакомились, общались, делились переживаниями и, несомненно, уже тогда чувствовалось и наблюдалось, как на уровне церковного народа происходит соединение сердец.

17 мая мы долго ждали прибытия Святейшего Патриарха Алексия. Сперва мы встретили Митрополита Лавра, затем он в мантии у кафедры ждал Патриарха. Пожалуй, мне живее всего помнятся лица церковного народа – на них были благоговейный трепет и радостное ожидание.

Во время литургии особым моментом для меня была «Великая похвала», когда протодиакон вслух перечисляет диптихи, перечень предстоятелей всех православных Поместных Церквей, а клир и хор поют «Многая лета». Благодаря объединению, Зарубежная Церковь вновь стала полноценной частью Вселенской Церкви: до объединения у нее было евхаристическое общение лишь с Иерусалимской и Сербской Церквями. Это как если бы вы долго жили у озера, пусть даже большого и очень чистого, а потом вдруг оказались у моря, необъятного, с огромным открытым небом и с сильными волнами. Вам открывается совершенно иной мир! Так и нашему поколению, не знавшему Патриарха и находящемуся в церковном отношении в некоей изоляции, в день подписания Акта

открылся иной мир, мир полноты православия!

Еще мне вспоминается ужин в день подписания Акта. На ужине были митрополит Лавр, ряд архиереев, участники церковно-исторических конференций, которые проводились в ходе воссоединения, члены переговорных комиссий и гости. Я сидел рядом с замечательным священником, протоиереем Сергием Правдолюбовым, у которого в семье одиннадцать прославленных. Атмосфера на ужине была очень радостной и непосредственной. Владыка Лавр задал тон простоты, и все этот дух подхватили: беседовали, делились какими-то моментами переговорного процесса, держали речи, но не «официозные» и формальные, а живые и от сердца. На этом ужине было очень уютно, тепло и радостно, словно был подведен итог процессу объединения и самого подписания Акта.

- Как перенес эту поездку митрополит Лавр – ведь врачи не рекомендовали ему столь трудный график?

- Конечно, митрополиту Лавру было не просто. Он уже был в преклонном возрасте, да и здоровье у него было весьма слабым. Однако думается, что самым трудным для него были внутренние переживания и сознание той ответственности, которую он несет перед Богом, перед паствой и перед русскими людьми. Этот физически слабый старец сделал героическое дело, которое требовало невероятных духовных усилий. Слава Богу, его окружали верные ему священнослужители и паства, что было для него большой поддержкой во время поездки. Епископ Евтихий Домодедовский, рассказывая как-то о митрополите Лавре, назвал его «самым большим послушником Зарубежной Церкви». Несмотря на кажущуюся невозможность, владыка Лавр выполнил это последнее, данное ему Богом послушание.

- Какие вы видите результаты по прошествии 5 лет? Утихли ли настроения

против объединения, ведь многие сулили второй раскол — улеглись ли разногласия?

- Немалое число противников объединения, в том числе даже один архиерей и ряд клириков, Божией милостью не только примирились с объединением, но стали убежденными поборниками церковного единства. Отколовшихся же можно разделить на три группы: 1) те, которые по происшествии некоторого времени после объединения увидели, что во внутренней жизни Зарубежной Церкви ничего не изменилось, что «Москва не захватила все имущество» и стали вновь прихожанами Русской Зарубежной Церкви; 2) те, которые увидев, как разные группы, которые против объединения, ругаются и разделяются между собой, вообще перестали в церковь ходить; и 3) те, которые продолжают находиться в расколе и по гордыни, невежеству, обиде или упорству, к сожалению, вряд ли уже когда-нибудь вернутся в лоно Поместной Русской Церкви.

- Какие проблемы, на ваш взгляд, в Церкви в России и Церкви Зарубежной надо решать в первую очередь? Что беспокоит?

- Проблем в Церкви всегда хватает: были они и во времена апостольские, были в золотой век богословия, есть они и теперь. Церковная проблематика весьма обширная, и у двух частей Русской Церкви у каждой свои условия жизни, свои вызовы и свои трудности. Как нам порой непросто разобраться в российской действительности, в динамике жизни в России и церковной жизни там, со всеми своими нюансами, так и россияне подчас плохо знают нашу жизнь, наш церковный уклад и те задачи, которые стоят перед «в рассеянии сущими». Поэтому довольно-таки промыслительно, что, хотя Русская Церковь ныне едина, тем не менее, она административно разделена на Московскую Патриархию и на Русскую Зарубежную Церковь.

Впрочем, обе части имеют возможность сотрудничать и принимать решения в общецерковных делах: все архиереи Русской Зарубежной Церкви являются членами Архиерейского Собора Поместной Русской Церкви. В Межсоборном Присутствии Русской Православной Церкви Зарубежная Церковь также представлена.

- В чем наибольшее значение произошедшего восстановления единства?

- В духовном плане, главное значение восстановления единства – в том, что Божией милостью две части Русской Церкви, в лице ее Первосвященителей и представителей, смогли смириться, покаяться, простить, отложить все личное и временное и на деле преодолеть разделение и исполнить волю Божию. Семья Единородного, в лице Русской Церкви, вновь едина и это не может не радовать. Хотя уже прошло пять лет со дня объединения, нам, «зарубежникам», кажется, что это произошло вчера, и мы не перестаем благодарить Бога за Его милость к нам.

Насколько мне известно, это было событие беспрецедентное. Да, в церковной истории случалось, что отколовшаяся часть возвращалась в Церковь. Но в данном случае речь идет не о присоединении одной части Церкви к другой или же о покаявшихся раскольниках: две равные по значению расколотые части вновь, после 80 лет разделения, соединились. Это было ТАИНСТВОМ, подобным таинству брака, и в этом – величие и значимость восстановления церковного единства.

*Св. Георгиевская Православная Миссия
1544 W 7800 S
West Jordan, UT
www.stgeorgeslc.org
stgeoslc@yahoo.com*